Глядя на проплывающий за окном машины пейзаж, я закурил. Толстяк заботливо опустил стекло с моей стороны, чтобы выветривался дым.

Мы ехали медленно. Молчун сидел сзади, весь обложенный пакетами и коробками с подарками и покупками к Новому году. В этот раз будет много людей на празднике, и я, как следует, подготовился, выбирая все самое лучшее и оригинальное. Не везти же такие отличные вещи в кузове.

Этот подержанный пикап Nissan не такой удобный, как мой Gold Cup, но за короткое время мне не удалось найти в городе машину получше. Владелец, сдавший автомобиль в аренду, гарантировал, что двигатель в отличном состоянии, машина редко использовалась. Но кажется, дроссельная заслонка засорена, педаль газа нажималась, словно была обмотана травой. (прим. 1. Пикап не имеет багажника, только кузов. У Се сравнивает его со своим Hyundai ix20, субкомпактвэн, который часто называют Gold Cup, потому что компания Hyundai часто приурочивала выпуск новых моделей автомобилей к чемпионатам FIFA.

2. Дроссельная заслонка - в автомобиле с бензиновым двигателем эта деталь ограничивает количество поступающего воздуха в двигатель. Регулируется подача воздуха с помощью педали газа.)

Чтобы добраться до Ханчжоу к Новому году в обход гор, достаточно в районе Цаннаня выехать на скоростную автомагистраль, проложенную вдоль побережья. На дорогу уйдет чуть больше десяти часов. Поначалу я так и планировал, но потом решил иначе. Цветочек с остальными пожелали отправиться на юг, им больше по душе пришлась более теплая Фуцзянь. Хи-хи, я так и знал. Но спорить не стал, и теперь ехал через горы в деревню, где у меня есть небольшой дом. Трасса здесь иногда была однополосной, а с одной стороны - крутой обрыв. Очень волнительно.

Зима в этом году холодная, даже родниковая горная вода замерзала. Я видел, как она застыла причудливыми ледяными волнами вдоль дороги. Пока курил, я высунул руку за окно машины и ощутил легкое покалывание от морозного воздуха.

"Кстати, а сколько лет тебе стукнет в этом году?" — внезапно спросил Толстяк.

Я не ответил, занимаясь изготовлением пепельницы из пластиковой бутылки, а затем поднял руку, осматривая свою кисть. Кожа на указательном и среднем пальцах, которыми я зажимал сигарету, потемнела. Это все из-за некачественного табака. Когда уходишь в горы, не с руки брать с собой большой запас хороших сигарет, а маленький заканчивается быстро. В качестве альтернативы остается только табак для самокруток. Я находил на обочинах дорог листья бобовых растений, высушивал и скручивал сигареты, используя их в качестве папиросной бумаги. Таких самокруток надолго хватает. Вкус у них так себе, но все лучше, чем вообще без курева.

Надо бы бросить курить. Те несколько дней, что мы провели в Фуцзяни, куда привезли Молчуна, были довольно холодными. И у нас с Толстяком мозги заболели, когда мы наблюдали, как он прямо во дворе вылил на себя ведро ледяной воды. Мы оба стараемся беречь себя, любим тепло и комфорт, мы стареем и чувствуем, что наши тела слабеют. Но он все такой же, как и раньше.

Когда перешагнул рубеж тридцати лет, не хочется вспоминать о своем реальном возрасте, возможно, это единственный способ оставаться оптимистом.

Пока я думал о вопросе Толстяка, наша машина сбросила скорость и остановилась. Посмотрев

вперед, я увидел, что перед нами уже образовалась довольно большая пробка. Вдалеке виднелась фура, опрокинувшаяся на обочину, одно колесо которой все еще крутилось, зависнув над обрывом. Машина все еще держала равновесие, но, кажется, сорвется лишь от одного пинка ногой.

По этой дороге многие ездят, чтобы не платить за проезд по высокоскоростной автомагистрали. Но здесь требуется предельная внимательность и осторожность, особенно зимой в гололед легко попасть в аварию.

Толстяк открыл окно и высунулся наружу, в салон ворвался холодный ветер, разбудивший Молчуна. Когда он поднял голову и открыл глаза, Толстяк уже вовсю матерился на всю дорогу: "Водятлы, блять, безрукие. И так в сотый раз на этой дороге! Это стадо черепашьих выродков можно объехать только на мотоциклах!"

Наша машина стояла в самом конце пробки. Водители автомобилей, стоявших впереди, сильно не переживали. Многие вышли на дорогу и занимались гимнастикой под радио на обочине. Женщина-фермер открыла свою лавку на колесах и вовсю предлагала остальным свой товар. Похоже, это надолго. Сложно сказать, когда движение восстановится. Я открыл дверцу и вышел на свежий воздух, запихивая окурок в бутылку. Холод снаружи быстро привел меня в чувство и придал бодрости.

С одной стороны дороги - горы, с другой - обрыв. Все склоны заросли редкими, но цепкими деревьями. За горами виднелись более лесистые холмы, и примерно в полумиле отсюда среди деревьев выглядывали крыши из черной черепицы и бледно-желтые оштукатуренные стены домов. Деревня, и судя по виду, бедная.

Я потянулся, включил свой телефон и, читая WeChat, побрел по обочине дороги.

Цветочек с друзьями уже выехали из Пекина. Первую остановку собирались сделать в Ханчжоу, чтобы навестить моих родителей и троюродного дядю. После этого они собирались взять в аренду машину и приехать ко мне всей толпой. Я мысленно выругался, думая, что мнение моих родных меня мало беспокоит. Но второй дядя тоже собирался в гости, вероятно, беспокоился обо мне. Сюсю в WeChat была у меня в друзьях. На ее странице была куча постов, посвященных новогоднему шопингу. Целых двадцать постов! Я с трудом поборол желание заблокировать ее и все же поставил несколько лайков.

Всего несколько лет назад в мире не существовало социальных сетей, но сейчас WeChat прочно вошел в нашу жизнь.

Минут через пять я оказался возле пострадавшей фуры, водитель которой невозмутимо курил на переднем сидении. Постучав в окно, я спросил, что случилось. Водитель оказался уроженцем Дунбэя. Он перевозил грузы в Гуанчжоу. Фура принадлежала ему. С печальным лицом он рассказал, что в лобовое стекло врезалась птица, он испугался, не справился с управлением, и фура съехала с дороги к обрыву. Теперь ему уже не встретить спокойно Новый год. Машина застряла прочно, и по его оценкам, ждать придется семь или восемь часов. Я знал, что эвакуаторы сюда доберутся не скоро, и мог только посочувствовать ему. Вернувшись, я сказал Толстяку, что нам придется оставить машину, иначе застрянем надолго. Придется поработать носильщиками и пойти в деревню за горами, чтобы попытаться найти мотоциклы и перевезти наш багаж. Если придется раскошелиться, делать нечего. Иначе мои родители приедут раньше нас.

Нам троим унести все покупки из машины не получится. Пришлось выбрать самое ценное.

Получилось по тридцать килограмм на каждого. Придется потерпеть, но это будет самый тяжелый Новый год в моей жизни.

Мы сошли с дороги, спустились с горы и углубились в редкий лес, через который пролегала едва заметная тропа.

Мне казалось, что до деревни всего час ходу, но на самом деле на дорогу ушло полтора. Пришлось сначала подниматься в гору, потом спускаться с нее. Обливаясь потом, мы вышли на небольшую грунтовую дорогу, ведущую к деревне. Огороды, засаженные соевыми бобами, были вскопаны впритык к обочине, и мы много растений потоптали. Когда придем в деревню, надо бы денег крестьянам дать, чтобы возместить причиненный нами ущерб.

Добравшись до деревни, мы немного растерялись, заметив, что дома на окраине полуразрушенные. Перед покосившимися дверями стояли курильницы для благовоний, украшенные красной бумагой и окруженные подношениями. Но сделано это было очень давно: подношения сгнили, даже не разобрать, что именно лежало у дверей. Курильницы были покрыты густым слоем пыли. Красная бумага уже стала совсем светлой, краску размыли дожди, и лужицы вокруг казались заполненными кровью. Ладно бы, тут был только один такой дом, но подобную картину я видел у каждой двери, и это немного пугало.

Я покосился на Молчуна. Его лицо было спокойным. Он тоже заметил, что место здесь необычное, но его это никак не беспокоило. Я же молился, чтобы эта деревня не оказалась заброшенной, а главное, чтобы здесь нашелся хоть один мотоцикл. Добравшись до оштукатуренных домов, мы увидели, наконец, деревенскую лавку, и я вздохнул с облегчением.

Толстяк сразу направился туда. Продавщица, молодая женщина с ребенком на руках, одетая в фиолетовую куртку, смотрела телевизор. Подойдя, Толстяк постучал по стеклу витрины: "Сестра, у нас возникла небольшая проблема. Не поможешь ли?"

Молодая женщина обернулась, оглядела нас, нагруженных под завязку, обливающихся потом, и на ее лице промелькнул испуг. Я, перейдя на местный диалект, позвал кого-нибудь еще. Вскоре из задней комнаты вышла пожилая женщина, видимо, мать продавщицы. Толстяк улыбнулся, стараясь казаться кристально честным туристом, и попросил: "Мы не можем проехать по дороге за горой. Нам нужен мотоцикл, чтобы вывезти наш багаж. Помогите найти мотоцикл, а мы денег дадим".

"Мотоцикл?" Молодая женщина непонимающе таращилась на нас, лицо ее было бледным. Я тоже постарался сделать вид, что самый честный в мире, и посмотрел на старуху.

Молодая женщина не сводила с нас глаз, а старуха что-то спросила у нее на диалекте. Они что-то обсудили, и, видимо, пожилая женщина, наконец, поняла, что произошло. Она указала куда-то в сторону, а молодая женщина сказала: "Мама говорит, что там в переулке стоит трактор. На нем можно перевезти вещи".

Мы закивали, выражая искреннюю благодарность, и побежали в переулок за лавкой. Вытирая пот, Толстяк спросил: "Твою ж мать, почему эта малявка так похожа на призрака? Она такая страшная, поэтому тут нет мужчин?"

"Может быть, все мужчины в этой деревне сейчас в поле работают. А когда в деревне пусто, ей нечего делать. Когда люди, не отрываясь, смотрят телевизор, у них выражение лица бывает странное, — сказал я, и, вспомнив Ван Мэна, добавил. — Когда местные вернутся, может быть, она будет более оживленной".

Переулок был довольно длинный. Проходя по нему, я заметил, что петли дверей в домах насквозь проржавели. Там никто не живет? Минуты через две мы увидели простенькую деревенскую вывеску на одной из дверей кирпичного дома.

Оштукатуренные глинобитные дома в селах - самые примитивные строения. Как правило, их используют в качестве сараев для хранения инструментов или для разведения скота. Другое дело, дом кирпичный. Такие здания более долговечны, в них жили зажиточные крестьяне. Но здесь был только один такой. Может быть, остальные разрушились или снесены. Кирпичи были старыми, голубыми, местами кладка треснула, и стены деформировались, деревянные оконные рамы перекосились. Скорее всего, хозяева дома были бедны.

Деревянная вывеска тоже очень старая, но иероглифы, красиво написанные, хорошо читались: "Рыболовные снасти Лэй Мэйляна".

Ворота открыты, а внутри было темно. Это был традиционный сельский дом. У внутренней стены расставлены скамьи и стоит стол "восьми бессмертных". (прим. квадратный стол на восемь человек.) На стене висел портрет председателя Мао и календарь с изображениями восьми даосских святых. На столе разложены подношения. Пол выложен камнем и усыпан бамбуковой стружкой и стеблями, а у боковой стены лежали какие-то инструменты, похожие на железные обручи. Кажется, здесь мастерская по обработке бамбука.

"Нам сюда?" — спросил меня Толстяк. Нашел кого спрашивать. Я бы сам кого-нибудь спросил.

"А трактора нет? — продолжал вопрошать Толстяк. — Блядь, тут так бедно, есть ли здесь вообще этот самый трактор?" Точно! Подумывая о том, чтобы уйти, я вдруг увидел тощего старика, идущего по переулку. Он зашел, прислонился к стене и хмуро посмотрел на нас сквозь стекла своих очков.

Мы тоже посмотрели на него, медленно направляясь к выходу.

Глаза старика блестели, он не отводил пристального взгляда, словно считал нас ворами.

Неловкая ситуация. Толстяк прошептал: "Да не пяльсь ты так на него. Пойдем отсюда!" Мы прошли мимо, и старик направился следом. Он явно преследовал нас.

"Он нас ограбить хочет? — пробормотал Толстяк. — Смотрит на нас, как на копченые свиные ребрышки. Не надо было показывать, что мы при деньгах!"

"Твою мать, он выглядит лет на девяносто. Какой из него вор? Насколько слабыми мы должны быть, чтобы он нас ограбил? — ответил я. — Может быть, он думает, что это мы - воры".

"Воры? Ога, мы ограбили его пустой дом и тащим несуществующие двести килограммов его добра?" Сказав это, Толстяк прикусил язык, и мы собрались ускорить шаг. Но в этот момент старик заговорил. На ломаном путунхуа он спросил: "Старший хэцзы, друг. Не проходи мимо. Не мог бы ты с твоими людьми помочь мне в одном трудном деле(1)?"

Мы опешили, заметив, что он обращается к Молчуну и даже не обращает внимания на нас. Подойдя к нему, я спросил: "Вы только по его походке поняли, что он вам помочь может?"

(1) Эта просьба старика требует пояснений. Со стороны звучит, как простая просьба. Но в дальнейшем У Се услышал в ней профессиональный жаргон. Во-первых, обращение, Старший хэцзы (□□□, хэцзы шан) - дословно это можно перевести, как старший, уважаемый). Но у иероглифа □ (хэ) есть еще одно значение, это буддистский термин, обозначающий человека,

способного к чувственному контакту с объектами и явлениями. В сленге даому часто используются буддистские и тибетские термины (например, посредники цзя-ламы или старые ковши). Во-вторых, слово "помочь" (□, бан) имеет два значения (из нескольких) - собственно "помочь" и "банда, шайка". Таким образом, в криминальном сленге слово "бан" переводится, как "нанять твою банду".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/82870/2878505